

детей (56,3%) наблюдается высокая степень проявления негативных поведенческих реакций в исследуемых ситуациях; у 48 детей выявлена направленность негативных поведенческих реакций на самого себя (29,6% от общего числа детей участвующих в исследовании и воспитывающихся в доме ребенка)). Необходимо отметить, что негативные поведенческие реакции у детей, направленность негативных поведенческих реакций которых соответствует позиции «на себя», при разной степени проявления в исследуемых ситуациях имеют частоту более 2 актов в минуту.

Литература

Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975.

Диагностика психического развития детей от рождения до 3 лет / Под ред. Е. О. Смирновой, Л. Н. Галигузовой, Т. В. Ермоловой, С. Ю. Мещеряковой. СПб.: Детство-пресс, 2005.

Психологические предикторы оправдания сексуального насилия над мужчинами и над женщинами

В. С. Кривошеков (Москва)

Ученые склонны понимать под сексизмом предрассудки именно в отношении женщин, поэтому исследования, посвященные аттитудам в отношении мужчин редки. Многие исследования аттитудов к женщинам находятся в плоскости амбивалентного сексизма, согласно которому отношения между мужчинами и женщинами характеризуются глубокой двойственностью: враждебностью и доброжелательностью (Glick, Fiske, 2001).

Чтобы понять, на чем основываются эти аттитуды, была использована модель двойного процесса Даккита (Duckitt, 2001). Исходя из этой модели различные верования могут объяснять различные типы сексистской идеологии. Люди, которые воспринимают мир как «конкурентный», склонны поддерживать доминирование на уровне групп. И наоборот, люди, которые верят в «опасный мир», склонны придерживаться социальной сплоченности, коллективной безопасности и социальных традиций.

Кроме того, последствия сексизма распространяются на многие сферы, среди которых то, как люди воспринимают жертв сексуального насилия. Существует два вида оценки жертвы: прямой и кос-

венный. Ряд исследований (см., например, Yamawaki, 2007) в рамках прямой оценки через приписывание вины жертве продемонстрировал, что контргендерностереотипных женщин-жертв сексуального насилия, доброжелательные сексисты склонны обвинять в большей степени, чем тех, кто ведет себя согласно гендерным стереотипам.

Цель работы — изучение психологических предикторов оценки жертвы сексуального насилия.

Гипотезы данного исследования

1. Правый авторитаризм и ОСД предсказывают уровень доброжелательного и враждебного сексизма в отношении мужчин:
 - а) чем выше уровень авторитаризма правого толка, тем выше уровень благосклонного и враждебного сексизма в отношении мужчин;
 - б) чем выше уровень ОСД, тем выше уровень благосклонного и враждебного сексизма в отношении мужчин.
2. Правый авторитаризм и ОСД предсказывают уровень доброжелательного и враждебного сексизма в отношении женщин:
 - а) чем выше уровень авторитаризма правого толка, тем выше уровень благосклонного и враждебного сексизма в отношении женщин;
 - б) чем выше уровень ОСД, тем выше уровень враждебного и доброжелательного сексизма в отношении женщин.
3. Сексизм в отношении мужчин и женщин предсказывает восприятие жертвы сексуального насилия:
 - а) чем выше уровень сексизма в отношении мужчин, тем ниже уровень приписывания жертве-мужчине эмоций страха, гнева и чувства стыда и тем выше уровень восприятия виновности жертвы в происходящем;
 - б) чем выше уровень сексизма в отношении женщин, тем ниже уровень приписывания жертве-женщине эмоций страха, гнева и чувства стыда и тем выше уровень восприятия виновности жертвы в происходящем.

Выборка. В исследовании приняло участие 302 чел. (57 мужчин, 241 женщина, 4 испытуемых выбрали вариант «другое»). Возраст участников варьировался от 18 до 54 лет ($M=22,6$; $SD=4,8$). Каждый из участников исследования был рандомизированным образом отнесен к одной из подвыборок (150 и 152 чел., соответственно).

Методики. Опросник включал в себя методики для измерения аттитудов по отношению к мужчинам, аттитудов по отношению к женщинам, правого авторитаризма, ориентации на социальное доминирование, кейс, описывающий ситуацию насилия, а также утверждения для ее оценки.

Для проверки гипотез 1 (а, б) и 3а была создана структурная модель, которая включала в себя восемь переменных: правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование рассматривались как предикторы доброжелательного и враждебного сексизма в отношении мужчин, последние, в свою очередь, рассматривались как предикторы оценки ситуации сексуального насилия – приписываемых жертве эмоций. Результаты показали, что структурная модель соответствует полученным данным ($\chi^2=31,753$; $df=8$; $p\text{-value}=0,0001$; $RMSEA=0,099$; $CFI=0,954$; $TLI=0,846$; $SRMR=0,042$; $AIC=12821,297$; $BIC=12954,872$).

Для проверки гипотез 2 (а, б) и 3б была создана структурная модель, которая включала в себя восемь переменных: правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование рассматривались как предикторы доброжелательного и враждебного сексизма в отношении женщин, последние, в свою очередь, рассматривались как предикторы оценки ситуации сексуального насилия – приписываемых жертве эмоций. Результаты показали, что эта модель соответствует полученным данным ($\chi^2=32,487$; $df=8$; $p\text{-value}=0,0001$; $RMSEA=0,096$; $CFI=0,956$; $TLI=0,851$; $SRMR=0,039$; $AIC=12655,141$; $BIC=12788,717$).

Во-первых, результаты нашего исследования показывают, что правый авторитаризм предсказывает любой тип сексизма как в отношении мужчин, так и женщин, однако интересным является то, что он сильнее связан с доброжелательными аттитюдами к женщинам и мужчинам. Правый авторитаризм прогнозирует гендерную дифференциацию, что отражается в шкалах как благосклонного, так и враждебного сексизма в отношении и мужчин, и женщин (Glick, Fiske, 2001). Более сильная предсказательная сила доброжелательного сексизма может быть объяснена тем, что доброжелательный сексизм в обеих шкалах соотносится с традиционными ролями как для женщин, так и для мужчин.

ОСД, в свою очередь, предсказывает доброжелательный сексизм в отношении мужчин и враждебный в отношении женщин. Люди с высоким ОСД обычно демонстрируют более позитивное отношение к высокостатусным группам, но более негативное отношение к низкостатусным группам, так как доброжелательный сексизм

в отношении мужчин подразумевает восхищение мужскими ролями защитников и кормильцев и признает их, в то время как враждебный сексизм в отношении женщин представляет собой негативную реакцию по отношению к женщинам, которые воспринимаются как «бросающие вызов мужской власти и статусу».

Во-вторых, результаты показали, что разный тип сексизма предсказывает разную оценку жертвы. С одной стороны, сексизм отрицательно предсказывает негативные эмоции, приписываемые жертве (страх, гнев, стыд), с другой — оценку того, что жертва виновата в том, что произошло. Стоит отметить, что сексизм является предиктором как для прямой оценки (приписывание вины), так и для косвенной (приписывание страха, гнева и чувства стыда).

Согласно нашим данным, сексизм положительно предсказывает оценку вины жертвы. Положительная связь уровня сексизма с оценкой вины жертвы может означать, что жертва воспринимается людьми с высоким уровнем сексизма как нарушающая гендерно нормативно приписываемые роли.

В-третьих, было обнаружено, что пол жертвы не оказал значимого влияния в оценке жертвы респондентами. Это может быть связано с тем, что как мужчины, так и женщины, склонны демонстрировать амбивалентные аттитюды не только к другому полу, но и к своему. Другими словами, женщины, склонные поддерживать гендерную иерархию и гендерную дифференциацию, приписывают более негативные эмоции как мужчинам, так и женщинам.

Литература

- Duckitt J.* A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in experimental social psychology* / Ed. M. P. Zanna. N. Y.: Academic Press, 2001. V. 33. P. 41–113.
- Glick P., Fiske S. T.* An ambivalent alliance. Hostile and benevolent sexism as complementary justifications for gender inequality // *American Psychologist*. 2001. V. 56. P. 109–118.
- Yamawaki N.* Rape perception and the function of ambivalent sexism and gender role traditionality // *Journal of Interpersonal Violence*. 2007. V. 22. P. 406–423.